

ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ

Вряд ли могут быть оправданы сомнения в том, что взятие Константинополя крестоносцами в 1204 г. является одним из важнейших событий не только византийской, но и европейской истории. После этой даты империя ромеев так и не смогла вернуть себе прежнюю силу, ее земли на Балканах подверглись длительному политическому и культурному влиянию западных народов, которые, в свою очередь, впервые после завоевания Греции древним Римом пришли в столь тесное соприкосновение с грекоязычным миром. Таким образом, восьмисотлетие этого события закономерно было отмечено международным научным конгрессом, организованном Афинской академией в греческой столице 9–12 марта 2004 г. Из тридцати шести участников этого мероприятия, отмеченных в его программе, лишь треть представляла местные научные организации, в то время как остальные докладчики на тот момент работали в исследовательских учреждениях США, Великобритании, Израиля, Италии, Франции, России, Сербии и Болгарии. Как представляется, столь многонациональный состав выступающих должен был способствовать непредвзятому и взвешенному подходу к проблемам, связанным со взятием Константинополя крестоносцами.

Примерно половина из включенных в программу докладов была издана в сборнике *Urbs Capta. The Fourth Crusade and its Consequences. La IVe Croisade et ses conséquences (Réalités byzantines, 10)* / Ed. A. Laiou. P., 2005. 371 p. По не указанным в книге причинам в нее не вошли сообщения, посвященные преимущественно искусствоведческим вопросам. Опубликованные же статьи были распределены по четырем разделам: “Задний план” (*The Background*), где рассматриваются предшествующие походу события, “Крестовый поход”, “Четвертый крестовый поход в историографии и искусстве” и “Последствия, изменения, развитие”.

Было бы естественно предполагать, что возникший таким образом сборник не сосредоточен на обосновании какой-либо одной научной идеи. В самом деле, участвовавшие в конгрессе исследователи высказали отнюдь не сходные оценки и обнаружили разные подходы к проблемам. Можно ли из этого заключить, что все авторы – участники упомянутого конгресса – разделились на две группы в зависимости от предпочтения, оказываемого ими одной из сторон военного столкновения 1204 г.? Сборник *Urbs capta* позволяет дать ответ на этот вопрос. Мало того, названная книга уже в силу ее научного значения могла бы стать предметом рассмотрения в особой статье.

По мнению редактора сборника А. Лайу (Гарвардский университет и Афинская академия), взятие Константинополя крестоносцами ознаменовалось распадом Византийской империи, переходом западных держав

к агрессивным действиям против греческих государств, возникших на бывших имперских землях, разделением церквей и началом процесса экономического объединения Европы (введение, с. 11–13). Неточно, однако, замечание исследовательницы, согласно которому императоры Алексей I, Иоанн II и Мануил I Комнины “систематически искали” церковного объединения с Западом (с. 12). На самом деле на царствование первого из них приходится лишь две попытки такого рода со стороны не императора, а римских предстоятелей, разделенные к тому же временным промежутком более чем в двадцать лет (в 1089–1091 и в 1113–1114 гг.). Положительные же отзывы о церковном единстве Иоанна II в его письмах папам 1124 и 1126 гг., по всей видимости, не были подкреплены конкретными действиями и потому еще менее могут служить доказательством приведенному мнению исследовательницы¹.

А. Лайу ставит вопрос о том, почему захват Константинополя крестоносцами состоялся с таким запозданием. По ее мнению, наибольшую опасность для Византии представлял поход Боэмунда Тарентского в 1107–1108 гг., который был признан Ордериком Виталием в качестве третьей волны Первого крестового похода (с. 18–19). Согласно А. Лайу, не одна Анна Комнина представляла поход Боэмунда 1107–1108 гг. как продолжение проявившихся уже в 1081 г. завоевательных намерений Роберта Гвискара против Византии (с. 20). Между тем из приводимого автором места в сочинении Гвиберта Ножанского явствует лишь, что последний отметил оба события как важные вехи в судьбе Боэмунда².

Непонятно, почему А. Лайу не подвергла сомнению сообщение Анны Комнины о выкупе Алексеем I трехсот западных пленников в Египте: Альберт Аахенский сообщает об освобождении только одного императорского конюшего Конрада (с. 22–23). Показывая противоречия в отношении Ордерика Виталия к Алексею I, исследовательница ставит под сомнение представление о неизменно антивизантийской позиции Запада со времен Первого крестового похода (с. 25). Неудачу Боэмунда в 1108 г. автор объясняет наряду с военными и дипломатическими причинами также удачной “пиар-кампанией” Алексея I на Западе и по-прежнему не забытой там идеей христианского братства (с. 27).

Источники не дают веских оснований для заключения, будто бы Людовик VII или Конрад III в 1147 г. намеревались захватить Константинополь, хотя византийские авторы и приписывали подобные планы последнему из них (с. 28–31). Лишь после того, как французский король обвинил в 1148 г. Мануила I в том, что он вероломным образом побудил турок к нападению на двигавшееся через Малую Азию западное войско, Одо Дельский предложил начать военные действия на Востоке с завоевания греческой столицы (с. 33). Только в связи с Третьим крестовым походом А. Лайу признает “преступно провокационным” поведение византийских властей по отношению к западным воинам (с. 36–37). Такой образ действий автор предположительно объясняет опасениями, которые греки испытывали на протяжении всего XII в., перед связью между крестовыми походами и экспансией норманнов (с. 38–39).

¹ См.: Бармин А.В. Полемика и схизма. История греко-латинских споров IX–XII вв. М., 2006. С. 359.

² Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux. Vol. 4. P., 1879. P. 152.

Исследовательница указывает на то, что в ходе военных действий 1101 и 1147–1148 гг. их участники столкнулись с наибольшими трудностями не на Балканах, а в менее подвластной византийским властям Малой Азии. На этом основании А. Лайу усматривает в греках всего лишь “козла отпущения” для крестоносцев Первого и Второго походов за испытанные тогда их участниками неудачи. Однако подобное предположение не объясняет, почему все же именно византийских императоров Алексея I и Мануила I западные современники событий признали виновными в двойной игре. Кроме того, автор статьи упускает из виду, что прямым приказом василевса объясняли свое нападение на крестоносцев у Вардара, т.е. уже на Балканах, туркопулы и печенег, служившие в войсках империи и взятые в плен в феврале 1097 г.³ Ответ на поставленный ею изначально вопрос А. Лайу находит прежде всего в неудаче Бозмунда в 1108 г., а также в умелой византийской дипломатии, в противоречиях между западными державами и, в конце концов, в том простом обстоятельстве, что главной целью крестовых походов была помощь св. земле (с. 40).

П. Магдалино (Университет св. Андрея) излагает историю пророчеств о взятии Константинополя “людьми с Запада”. Первым в череде рассматриваемых им памятников является созданный в Сирии до 692 г. и приписанный Мефодию Патарскому “Апокалипсис”. Там говорится об императоре, который должен будет разрушить власть ислама и царствовать в Иерусалиме. На основе этого сочинения в VIII–IX вв. были созданы так называемые “Видения Даниила”, в состав которых входили один апокалипсис, так называемые “Славянский Даниил”, “Псевдо-Златоуст” и пророческий текст Καὶ ἔσται. В этих произведениях предрекается грядущее нападение мусульман на Южную Италию, объединение царствующего в “городе-тиране” (по всей видимости, Сиракузах) нового императора с “белокуроыми народами”, изгнание “измаилитов”, вступление христианского воинства сначала в Рим, а потом и в Константинополь (с. 42–43)⁴.

Указанные сюжеты были значительно переработаны в “Видении Даниила”, приписанном священнику Льву, в так называемых “Последнем видении Даниила” и “Пророчестве Константина Великого”. Согласно этим памятникам, созданным, по всей видимости, уже с оглядкой на взятие Константинополя в 1204 г. и последующее “латинское” правление, “белокурый” (или “рыжий” – πυρρόος) “народ” должен завоевать “город на семи холмах”. Если в более ранней (не позже конца XI в.) латинской “Тибуртинской Сивилле” и рассказывается о последнем римском императоре с Запада, который должен будет стать “королем греков”, то там ничего не говорится о завоевании Византии. О нападении “белокурых народов” на Кипр сообщается в “Извлечении (παρεκβάλαιον)⁵ из видений Даниила”, однако и это сочинение могло появиться уже после 1204 г. (с. 44–45).

В поиске следов того, как сюжет латинского завоевания Константинополя проник в пророческую литературу, П. Магдалино обращает внимание на

³ Ibid. P. 153; *Gesta francorum et aliorum hierusalymitanorum* / Ed. R. Hill. L., 1962. P. 9.

⁴ При этом исследователь неточно переводит τυραννίς (“тиран”) как “восставший” — rebel (с. 43).

⁵ В переводе П. Магдалино – digression, т.е. «отступление».

приписывавшийся Лиутпрандом Кремонским некоему сицилийскому епископу Ипполиту греческий апокалиптический текст. В упомянутых там льве и его детеныше, изгоняющих дикого осла, Лиутпранд видел соответственно германских императоров Оттона I и Оттона II и византийского узурпатора Никифора II Фоку, в то время как сами греки усматривали в этих образах византийского императора, короля франков и мусульманского властителя Северной Африки. По мнению историка, в этом сочинении могло присутствовать представление о западном господстве в Константинополе. В подтверждение этого предположения автор статьи ссылается на зависящий, как он полагает, от “Апокалипсиса Ипполита” латинский “Трактат об Антихристе” Адсона из Монтье-ан-Дер середины X в. В этом последнем произведении говорится о будущем короле франков, который будто бы объединит под своей властью всю Римскую империю (с. 45–46). Однако раздраженный противозападными настроениями, распространенными в Византии, Лиутпранд вряд ли умолчал бы о предсказании латинского господства в Константинополе, если бы подобная мысль содержалась в произведении, с которым он ознакомился.

П. Магдалино упоминает и арку Феодосия на константинопольском форуме Быка с изображением предстоящего разграбления византийской столицы народом “Рос”. По мнению историка, именно это имя собственное из-за своей близости слову ῥοῦσσι побудило изменить в пророчестве о грядущих завоевателях прилагательное “белокурые” на “рыжие” (с. 47). Эта мысль выглядит правдоподобной, хотя слово ῥοῦσσι, происходящее от латинского *ruseus*, не созвучно исконно греческому *τιρρός*. Не случайно связь между именем русов и их внешним обликом подчеркнута как раз западным автором (Лиутпрандом). Автор статьи сближает со связанными с Сицилией пророческими сочинениями под именами Даниила и Ипполита три западных “проекта”, имевших место незадолго до Первого крестового похода. Епископ Бенцо Альбский в своем “Итинерарии” предсказывал императору Генриху IV, что тот из Апулии и Калабрии принесет свою корону в страну Визаса, а оттуда отправится в Иерусалим для поклонения Гробу Господню. В своих письмах 1074 г. папа Григорий VII выразил намерение возглавить поход, чтобы усмирить норманнов, а затем помочь Византии в борьбе с турками. Поскольку тогда вождь норманнов и противник римского предстоятеля Роберт Гвискар посредством брачного союза сблизился с византийским императором Михаилом VII, П. Магдалино предполагает, что папа рассчитывал произвести и насильственную смену власти в Константинополе. Однако вряд ли Григорий VII настолько высоко оценивал свои возможности.

В тот же ряд исследователь помещает и нападения Роберта Гвискара на Византию в 1081 и 1085 гг., поскольку со слов Ордерика Виталия и Анны Комнины известно о том, что норманнский властитель собирался после завоевания Византии достичь Иерусалима (с. 47–49). Усматривая во всех этих трех случаях влияние какого-то произведения, основанного на упомянутых пророческих сочинениях, историк вновь вступает на зыбкую почву мало подкрепленных фактами предположений.

Как отмечает автор статьи, Первый крестовый поход не вызвал заметного “всплеска” новых западных пророчеств. Второй поход привлек внимание многих константинопольцев к двум греческим оракулам, согласно которым

византийская столица не просуществует тысячелетие и понесет большой ущерб. Согласно писавшему ок. 1200 г. Роджеру Хаудену, в конце XII в. французские послы в Константинополе слышали о том, что Златые врата города откроются сами, когда белокурый король придет с Запада, и тогда “латиняне” будут править греческой столицей. Наконец, со слов Салимбене известно об обсуждавшейся в Константинополе в 1203 г. книге “Василография” некоего “ахейского пророка Даниила”. В ней предвещались осада города белокурым народом и провал этого предприятия (с. 49–52).

С точки зрения П. Магдалино, пророческая литература влияла на отношение греков к западным народам. Однако рассматривая пророчество о разрушении Константинополя светловолосыми завоевателями как сказание, возникшее задолго до Первого крестового похода, исследователь, как представляется, утверждает больше того, что позволяют пересказанные им сообщения источников (с. 52–53).

Статья М. Ангольда (Эдинбургский университет) посвящена внутривизантийским проблемам Византии накануне Четвертого крестового похода. Исследователь считает необоснованной точку зрения Ж.-К. Шене и М. Хенди, согласно которой, упадок Византийской империи в конце XII в. был вызван слабой связью Константинополя с провинциями. По мнению историка, имело место распространение столичных “интересов” на окраины государства, которое ставило под угрозу позиции местной знати (с. 56–57). Как полагает автор, заключенные в феврале 1200 г. брачные союзы между дочерью Алексея III, с одной стороны, и членами семейств Палеологов и Ласкарей, с другой, делали императора более независимым от приведших его к власти аристократов. Именно поэтому, с точки зрения М. Ангольда, знатные лица поддерживали мятеж Иоанна Комнина Толстого летом того же года (с. 59–61).

Исследователь отмечает, что порицавший придворную аристократию за эгоизм Никита Хониат двойственно относился к “латинянам”, одновременно восхищаясь их доблестью и презирая их варварство. По мнению автора, Четвертый крестовый поход не выглядел как главная опасность для Византии по сравнению с другими угрозами для империи, возникавшими с VII в. К сожалению, историк не приводит доказательств в пользу своего утверждения, согласно которому греки считали целью крестовых походов подчинение их церкви Риму (с. 66–67).

В статье об особенностях организации Четвертого крестового похода Дж. Рили-Смит (Эммануэль Колледж, Кембридж) утверждает, что именно отказ от первоначально планируемого похода на Египет обусловил несчастливый ход многих дальнейших событий. Исключительный размах приготовлений к походу дает исследователю основание для предположения, согласно которому предприятие было рассчитано на участие в нем необычно большого числа наемников (с. 74–75). По мнению историка, постройку галер и кораблей “юиссье” можно объяснить лишь в том случае, если конечной целью похода был именно Египет (с. 77). Случившиеся после взятия Константинополя преступления могли быть совершены, по мнению автора статьи, местными “латинянами”, изгнанными до этого из города греками (с. 81). Важными особенностями похода Дж. Рили-Смит считает его “тетрархическое” руководство и разделение войска на семь “баталлий” (*batailles*, с. 82–87).

Обозначая Палестину как “второй фронт” Четвертого крестового похода, Б. Кедар (Иерусалимский еврейский университет) стремится в противовес распространенной точке зрения выделить благоприятные последствия этого предприятия для Иерусалимского королевства. Среди положительных краткосрочных итогов похода историк указывает прежде всего на приток денег в королевство в 1202 г., что позволило перестроить крепости Бейрута, Акры и Тира, а также на прибывшую военную помощь в лице отделившихся от основного войска и отправившихся в св. землю крестоносцев (с. 91–97). Кроме того, исследователь предполагает, что именно испытанное турками впечатление от взятия Константинополя побудило султана аль-Адила уступить Иерусалимскому королевству ряд территорий по перемирию, заключенному осенью 1204 г. (с. 100–101).

Долгосрочные же отрицательные последствия похода для королевства кажутся автору статьи преувеличенными в исторической литературе. По мнению Б. Кедара, Иннокентий III и западные хронисты могли переоценить число рыцарей, переселившихся из Палестины в Романскую империю, в то время как оно было отчасти возмещено притоком новых воинов из Европы (с. 103–106). Другое распространенное представление, согласно которому после 1204 г. западные рыцари предпочитали отправляться в Романскую империю вместо Иерусалимского королевства, исследователь находит нуждающимся в обосновании источниками. Историк также критически отзывается о часто проявляющемся в литературе стремлении давать походу “морализирующие” оценки (например, у Р. Груссе и С. Рансимена). С оглядкой на поражения христиан в Египте в 1221 и 1250 гг. автор сомневается в том, что нацеленный именно туда поход закончился бы успешно в начале XIII в. и имел бы лучшие последствия для королевства (с. 107). Эта точка зрения Б. Кедара находится в явном противоречии с высказанным в том же сборнике мнением Дж. Рили-Смита.

Отношение Иннокентия III к византийскому церковному обряду рассматривается в статье А. Андреа (Вермонтский университет). В цитируемых исследователем двух письмах папы от середины и конца мая 1205 г., обращенных соответственно императору Балдуину I и французским священнослужителям, говорилось о необходимости изменить обряд греческой церкви, для чего требовалось отправить на Восток латинские богослужебные книги. Историк приводит также высказывания Иннокентия III из его посланий соборному капитулу Санты Северины в Калабрии (февраль 1198 г.) и кардиналу-легату в Сицилии Ченчо (1200 г.). В первом из этих писем упоминается соблюдение “до сих пор” канониками греческого обряда, во втором признается, что при согласии местного латинского епископа рукоположение священников по греческому обряду допустимо “постольку, поскольку” этот обряд одобряется церковью. Эти формулировки, вопреки мнению А. Андреа, не дают оснований для утверждений о намерении Иннокентия III постепенно заменить греческий обряд в Южной Италии на латинский (с. 116–117).

Из других приводимых автором примеров явствует, что папа не был против брачного образа жизни византийских священнослужителей, поддерживал греческие монастыри в Италии, намеревался поначалу поставить лишь ректора, а не патриарха для латинских церквей в завоеванной Византии и в августе 1206 г. советовал Фоме Морозини допустить греческий обряд, пока этот

вопрос не решен окончательно. В своих ответах тому же Фоме и архиепископу Лариссы в марте и октябре 1208 г. Иннокентий III распорядился впредь рукополагать греков в епископы лишь по “латинскому обыкновению” (*more latino*) или “обряду”, т.е. путем помазания, но позволил не “помазывать” уже рукоположенных (с. 118–120)⁶. В епархиях с исключительно греческим населением папа велел поставлять в епископы греческих священнослужителей, приемлющих римскую власть, но в епархиях со смешанным населением он желал видеть латинских предстоятелей.

А. Андреа заключает, что этноцентризм Иннокентия III располагал его смотреть с подозрительностью на любые церковные обычаи, которые отличались от латинской практики (с. 121). Однако из представленных исследователем источников явствует лишь то, что папа хотел ввести в греческий обряд помазание рукополагаемых в епископы и что он еще до своего восхождения на престол отрицательно отзывался об использовании квасного хлеба в литургии (с. 114, 120). Таким образом, Иннокентий III отнюдь не осуждал многочисленные другие особенности византийского обряда, признанного им на IV Латеранском соборе в 1215 г., и по сути так и не осуществил выраженное им в мае 1206 г. намерение ввести в греческих землях латинский обряд.

Рассматривая военные аспекты захвата Константинополя, Т. Колиас (Афинский университет) объясняет отсутствие подкреплений для столицы из провинции нехваткой времени (с. 128). Однако между свержением Алексея IV в конце января и штурмом города в апреле прошло более двух месяцев – время достаточное для получения помощи из других областей империи. Стремясь как-то объяснить действия Алексея V Мурцуфла, исследователь (вслед за Ч. Брандом) отказывается принимать на веру свидетельства Никиты Хониата и Жоффруа де Виллардуэна, согласно которым император вышел с войском за стены города уже после проникновения туда крестоносцев (с. 134). Взятие Константинополя историк в итоге объясняет превосходством венецианского флота над византийским и несоответствием предводителей греческой армии стоявшим перед ними задачам (с. 138). Между тем низкий боевой дух византийцев и их нежелание противостоять внешней угрозе должны в большей степени объясняться внутривосточным положением страны с 1180 г., когда власть в ней переходила из рук в руки исключительно посредством переворотов, а правящая верхушка, согласно Хониату, была занята только обеспечением собственного благополучия.

Р. Макридес (Центр византийских, османских и новогреческих исследований Бирмингемского университета) обращает внимание на близость сообщения о бегстве Алексея III из Константинополя в первоначальной версии “Истории” Никиты Хониата к соответствующему отрывку в труде Георгия Акрополита. Поскольку у обоих авторов бегство императора не приписано его трусости, исследовательница предполагает, что Алексей намеревался собрать силы в провинции и с их помощью вернуться к власти (с. 147–149).

Х. Мальтезу (Греческий институт византийских и поствизантийских исследований в Венеции) прослеживает разные оценки Четвертого крестового похода в греческой историографии. Очевидец Никита Хониат объяснял нападение крестоносцев алчностью “латинян” и не усматривал в их действиях

⁶ Ср.: PL. T. 215. Col. 1353, 1468.

религиозного мотива, историк же XIX в. К. Папарригопулос писал о желании папы распространить свою власть на Восток. Эту точку зрения разделял С. Ламброс (с. 153–155). В XX в. К. Амантос указывал на неудачное географическое положение Византии как основную причину ее поражения в 1204 г., в то время как Д. Закитинос писал по тому же поводу о ее предшествующем пагубном социальном, экономическом и психологическом разрыве с Западом. Наконец, Н. Икономидис обращал внимание на распад империи уже при Ангелах и помещал разграбление Константинополя в один ряд со схожими событиями средневековья в других странах (с. 156–157).

Как отмечает в своем обзоре западной историографии Четвертого крестового похода М. Балар (Университет Париж-1, Сорбонна), внимание исследователей в большинстве случаев сосредоточено больше на причинах поворота похода на Константинополь, чем на его политических, экономических и культурных последствиях. Д. Келлер и Т. Мадден показали, что Венеция была больше заинтересована в Египте, чем в Византии, и что вплоть до февраля 1204 г. у крестоносцев не было плана захватить город. Противоположные утверждения С. Рансимена, Ч. Бранда и Д. Николя о вине венецианцев автор статьи признает бездоказательными (с. 161–164). Если Р. Лили и Н. Икономидис обратили внимание на причинную связь между политическим и экономическим упадком Византии в конце XII в. и ее падением в 1204 г., то Х. Рошер, Дж. Джилл и В. Малечек показали ошибочность мнения М. Заборова, согласно которому на повороте похода на Константинополь настоял Иннокентий III (с. 164–167). В своей недавней книге Дж. Харрис рассматривает разграбление города как следствие византийской политики, направленной на сотрудничество с мусульманами и потому вызвавшей возмущение крестоносцев, обрушивших свой гнев на греков. Э. Катлер, впрочем, устанавливает, что большая часть византийских произведений искусства попала в Венецию лишь несколько поколений спустя после 1204 г. (с. 168–169).

На основе изучения книжных миниатюр Ф. Карофф (Библиотека Мазарини, Париж) приходит к выводу, что изображения Четвертого крестового похода крайне редки в средневековых латинских рукописях и, как правило, лишены характерных для времени и места деталей. Исследовательница объясняет это явление тем, что предприятие не было сочтено достаточно славным (с. 175, 178). Знаменательно, что разграбление города никогда не запечатлевалось в живописи (с. 181), тогда как династические столкновения в Византии и расправы над проигравшими в них находили отражение в изобразительном искусстве (с. 184). По мнению историка, тем самым миниатюристы намекали на незаконность византийской власти и старались смягчить плохое отношение зрителей к захвату крестоносцами христианской страны.

В статье об экономике латинского Константинополя Д. Якоби (Иерусалимский еврейский университет) отмечает ее скорое восстановление после 1204 г. (с. 197). Исключительно малое количество венецианских нотариальных документов о торговле на Черном море в 1204–1261 гг. исследователь объясняет гибелью многих записей (с. 200–202). Указывая на наличие “треугольной” торговой сети между Италией, Византией и Египтом, историк рассматривает содержание торговых договоров между Венецией, с одной стороны, и сельджуками и Никейской империей – с другой (с. 202–206). Автор приходит к выводу о подъеме константинопольской экономики в

1240–1250-е годы и объясняет развитие итальянской торговли на Черном море после 1261 г. предшествующим знакомством генуэзских и венецианских купцов с этим регионом (с. 212–213).

Отмечая, что события 1204 г. не сразу вызвали всеобщую скорбь византийцев, С. Морриссон (Центр изучения византийской истории и цивилизации, Париж) ставит вопрос о возможных положительных следствиях Четвертого крестового похода для греческого населения. Указав на переход византийской экономики в XII в. от “командной” к относительно свободной и на достижения ремесленного производства в разных областях (стекло, шелк, керамика), а также на грамотность населения, мореплавательное искусство, кредитно-денежную систему (с. 216–220), исследовательница склоняется к мнению о большей легкости налогового бремени в Романской империи по сравнению с предшествующим временем (с. 222–223). Другими следствиями завоевания она признает появление “некоторой демократии” вместе с утверждением городской автономии, развитие интеллектуальных связей с Западом, введение бухгалтерского учета (с. 224–225).

В свою очередь, подъем венецианского монетного дела в начале XIII в. автор предположительно объясняет прибытием греческих мастеров (с. 226–227). С. Морриссон отмечает рост провинциальных городов и числа деревень после 1204 г., делая из последнего обстоятельства вывод о подъеме сельскохозяйственного производства (с. 228–229). Исследовательница, к сожалению, не уточняет, какими источниками оправдано ее заявление о более частых случаях проявления активности “определенного среднего класса” после латинского завоевания. Рост цен на землю и пшеницу в XIII в. позволяет автору сделать заключение о вероятном расширении возможностей для экспорта у византийских производителей (с. 232).

В статье о венецианском правлении на Крите Х. Гаспарис (Институт византийских исследований Национального греческого исследовательского фонда) указывает на гибкость и тактичность новых властителей острова⁷. Венецианцы использовали византийское административное деление на Крите и, в отличие от своей политики на Ионических островах и на Юго-Западном Пелопоннесе, устранили греческих епископов, подчинив местное духовенство протопопу. Присвоив находившиеся ранее в распоряжении частных лиц общественные (public) и монастырские владения, они обеспечили рост пахотной и занятой виноградниками земли. Венецианское правление на Крите было также отмечено появлением новых греческих церквей и ростом городов (с. 240–245).

Прослеживая латинское господство на Эгейском море после 1204 г., М. Кумануди (Афинский университет) указывает на сложные взаимоотношения между Венецией и властвовавшими на Кикладах семействами Санудо и Гизи (с. 254–258), как и на поверхностное развитие феодализма на Тиносе и Миконосе (с. 259). По общему мнению историков, многие греки на Кикладах были очень рано включены в сословие феодалов (с. 264). Подъем храмового строительства в 1250–1270-е годы исследовательница связывает с пробужде-

⁷ “Благодаря гибкости (flexibility), приспособляемости (adaptability) и тактичности (tactfulness) Венеции организацию новой колонии в течение XIII в. можно хорошо охарактеризовать как успех (success)” (Urbs capta... P. 237).

нием религиозного сознания после возвращения Константинополя в 1261 г. и с противодействием Лионской унии в 1274 г. (с. 265).

В статье о Сербии и прилегающих областях после Четвертого крестового похода Л. Максимович (Белградский философский факультет) отмечает, что уже к началу XIII в. выявились две важные для страны особенности. Во-первых, Сербию отличало противоречие между восприятием в ней византийских моделей и ее антивизантийской политикой; во-вторых, политическое единство страны не соответствовало установившейся в ней неоднородной церковной организации (с. 271–273). По мнению исследователя, прозападная ориентация Сербии не была следствием падения Византии, поскольку она проявилась еще до 1204 г. (с. 277). Как показал историк, идеологическое и политическое основание сербской власти и после этой даты оставалось верным византийской традиции (с. 281). Согласно автору, Четвертый крестовый поход не вызвал в стране никаких новых “процессов”, т.е. существенных идейных сдвигов, которые бы уже не наметились в более раннее время (с. 282).

Рассматривая черноморский регион до и после латинского завоевания Константинополя, С.П. Карпов (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова) предположительно объясняет отсутствие там венецианских торговых факторий в 1204–1261 гг. нехваткой у республики денежных и человеческих ресурсов (с. 285). Не давая ссылок на источники, исследователь пишет о плохих отношениях “римско-католических” монастырей с греческим клиром и о попытках заменить верхушку греческого духовенства латинским в итальянских владениях на берегах Черного моря (с. 287). Историк предположительно определяет причины того, почему правившие в Трапезунде Великие Комнины почитали как своих покровителей свв. Георгия и Елевферия, но не жившего в той же области св. Феодора Гавру (с. 288–289). Автор полагает, что предоставленные трапезундской митрополии в 1260 г. привилегии не соответствовали ни 28 канону IV Вселенского собора, ни сложившейся уже к X в. практике, однако находились в русле церковной политики Никейской империи (с. 290–291).

В статье о византийской идеологической реакции на латинское завоевание Константинополя Д. Ангелов (Западный Мичиганский и Бирмингемский университеты) отмечает исчезновение в канцелярии Никейской империи принятого ранее “иератического” письма, замену торжественных хрисовулов более скромными простагмами, появление в документах клятв императора соблюдать данные им привилегии (с. 295–296). Идея отвоевания Константинополя сочеталась, как полагает автор, в Никейской империи с представлениями о “святой войне” и с отпущением грехов сражающимся с завоевателями (с. 296–298).

Это же время, согласно исследователю, ознаменовалось и образованием элементов эллинского “протонационализма” (с. 299–303). Указывая, что понятие *ὑραϊκοί* стало нередким в качестве самообозначения византийцев после 1204 г., историк относит его “возвращение” в употребление к непосредственно предшествующим 1204 г. десятилетиям, но в подтверждение этого тезиса приводит лишь “Священное оружехранилище” Андроника Каматира (с. 300–301, примеч. 44). Между тем этот термин использовался в указанном смысле уже в начале XII в. Евстратием Никейским и Николаем

Музаломом, а несколько позже Никитой Маронейцем⁸. Наконец, отличительной чертой самосознания знати Никейской империи автор считает ее отказ от некоторых аристократических ценностей, а именно меньшее внимание к императорской семье и к понятию “благородства” (εὐγένεια), как такового (с. 303–305).

После возвращения Константинополя в 1261 г., как указывает Д. Ангелов, в практику императорской канцелярии и дворцового быта вновь входят хрисовулы, триумфы и ежегодные панегирики в честь императора, но исчезает распространенный ранее в никейском обществе дух воинственности (с. 305–306). При сохранении тяготения к “протонационализму” эллинизм слабеет на официальном уровне, и постепенно возрождается приверженность аристократическому идеалу. Самое же заметное следствие событий 1204 г. в сфере имперской идеологии исследователь усматривает в возросшем значении Церкви и духовенства при обосновании прав на обладание императорской властью (с. 306–309). В целом же, по мнению историка, Четвертый крестовый поход “отрезвил” византийскую политическую идеологию. Пережитые ею в Никее изменения явились своего рода ответом не только на падение Константинополя, но в какой-то мере и на византийскую модель правления XII в. (с. 310).

Проследившая политическую идеологию правящих верхов Эпирского государства, А. Ставриду-Зафрака (Аристотелевский Фессалоникский университет) подчеркивает важность того известного историкам обстоятельства, что ни Михаил I, ни Феодор (Дуки Комнины) не носили титул деспота (с. 316–317). Как показывает исследовательница, к последнему из них определения “святой” и “помазанник” прилагались еще до его помазания и венчания (с. 319–320). При этом церковные деятели Эпира Димитрий Хоматиан и Иоанн Апокавк считали Византийскую империю потерянной навсегда после падения Константинополя (с. 322).

В самом начале своей статьи о “распределении” византийских реликвий после 1204 г. М. Барбер (Редингский университет) оговаривает, что народное сознание на Западе связывало латинские государства на территории Византии скорее с региональными и групповыми интересами, чем с “делом латинского христианства” как целого (с. 325). Как показывает исследователь, появление в тех или иных храмах Запада новых, вывезенных с византийских территорий реликвий превращало эти храмы в паломнические центры, что, в свою очередь, способствовало также и развитию местных экономик (с. 330–331). Поскольку приток византийских реликвий пришелся на время, когда с невиданным прежде размахом строились новые и перестраивались уже существующие храмы, их планировки претерпели существенные изменения (с. 333).

Согласно историка, папам не удалось убедить свою паству в том, что завоевание Константинополя и Афин было частью божественного замысла. Именно в этом обстоятельстве население Запада находило дополнительную основу для сопротивления налоговым поборам властей в поддержку Романской империи. Тогда же, по мнению автора, “благочестивые расхитители” смогли представить перемещение реликвий с Востока на Запад

⁸ См.: Бармин А.В. Указ. соч. С. 8.

как одобренное Богом, ссылаясь на чудеса, происходящие в новых местах их хранения (с. 332–333).

Рассматривая связь между альбигойским крестовым походом и Романской империей, Б. Гамильтон (Ноттингемский университет) подвергает сомнению суждение, согласно которому направленный против богомилов “Синодик” болгарского царя Борила 1211 г. был создан под влиянием Иннокентия III (с. 337). Как показывает исследователь, хотя некоторым западным клирикам в XII в. было известно о связях катаров с Византией и Балканами, ничто не позволяет полагать, будто бы упомянутый папа знал о существовании богомилов (с. 338). Утверждая, что папство лишь с Григория IX (1227–1241) представляется осведомленным о существовании катаров в “византийском содружестве”, историк упускает из виду описанное им перед этим сообщение от 1223 г. кардинала Конрада Портского о катарах на Балканах и ответ ему Гонория III (1216–1227). По мнению автора, отсутствие интереса к истории ереси и недостаточная связь между римской курией и инквизиторами вели к тому, что папство считало Романскую империю свободной от ересей, что, в свою очередь, и позволяло им там утверждаться и распространяться (с. 343).

Проследившая усилия пап к объединению церковью после Четвертого крестового похода, пергамский митрополит Иоанн Зизиулас (Афинская академия) упрощает, как представляется, положение дел, огульно приписывая христианскому Западу количественное, а Востоку качественное понимание “кафоличности” Церкви (с. 345)⁹. Нельзя согласиться с утверждением автора, согласно которому крестовые походы вдохновлялись идеей объединения христианского мира (с. 346), поскольку их целью было отвоение св. земли у мусульман. Противопоставляя уже в связи с историей XI в. “православие” “римскому католицизму” (там же), пергамский митрополит применяет к средневековой терминологию, сложившуюся не раньше XVII в. Утверждение, что греки в 1096 г. приняли крестоносцев “как братьев” (там же), расходится с известиями о подстроженных Алексеем I Комнином нападениях на западное войско еще на Балканах¹⁰. Заявляя, будто избрание латинского иерусалимского патриарха в 1099 г. зажгло первый враждебный запал в отношениях между Востоком и Западом (там же), И. Зизиулас упускает из виду всю далеко не простую предшествующую историю отношений между римским и константинопольским престолами, в том числе взаимные анафемы времен Фотия и Михаила Кирулария.

Называя «неожиданной вспышкой “плюрализма”» допущение квасного хлеба и “теплоты” на Флорентийском соборе (с. 350), автор не принимает во внимание то обстоятельство, что эти литургические различия и ранее крайне редко вызывали неодобрение на Западе¹¹. Утверждение, согласно которому

⁹ Об этом см.: Congar Y. *Chrétien désunis*. P., 1937. P. 115–117.

¹⁰ *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. Vol. 4. P. 152; *Gesta francorum et aliorum hierusalymitanorum*, p. 9. См. также: Lilie R.-J. *Byzanz und die Kreuzfahrerstaaten*. München, 1981. S. 7–9.

¹¹ Об этом см.: Бармин А.В. Указ. соч. С. 501. На Западе в XII–XIII вв. господствовало представление о том, что при отправлении византийского обряда вообще не добавляется вода в евхаристическую чашу (Avvakumov G. *Die Entstehung des Unionsgedankens. Die lateinische Theologie des Hochmittelalters in der Auseinandersetzung mit dem Ritus der Ostkirche*. B., 2002. S. 192–197).

попытки к объединению церквей в сущности не возобновлялись после Флорентийского собора вплоть до XX в. (с. 352), не соответствует действительности, поскольку именно подобного рода усилия привели к заключению Брестской, Ужгородской и прочих уний поместных церквей с римским престолом. Приписывая со ссылкой на мнение С. Рансимена западному богословию легализм и рационализм, а восточному мистику и апофатику (там же), пергамский митрополит игнорирует то обстоятельство, что легализм и рационализм в широкой мере присутствовали и в греческом христианстве, а мистика в западном. Мнение И. Зизиуласа, согласно которому об унии заботились только папы и византийские императоры (там же), опровергается деятельностью патриарха Иоанна Векка, митрополитов Виссариона Никейского и Исидора Киевского, Константина Мелитениота, Георгия Метохита и других сторонников объединения с римской церковью.

Из проведенного разбора очевидно, что в состав сборника включены статьи разного научного уровня. Работы столь известных исследователей, как А. Лайу, П. Магдалино и А. Андреа, вызывают больше вопросов и сомнений, чем тексты некоторых их менее именитых коллег. Ряд статей, написанных исследователями из Юго-Восточной Европы или происходящими из этого региона (Х. Гаспариса, М. Кумануди, Л. Максимовича, Д. Ангелова), не уступает по уровню работам авторов из Западной и Восточной Европы, США и Израиля. Несмотря на недостатки тех или иных статей, книга *Urbs capta* дает достаточное представление как об утвердившихся к настоящему времени взглядах на связанные с латинским завоеванием Константинополя проблемы, так и об остающихся открытыми вопросах в этой области.

Рассмотрение книги позволяет ответить и на вопрос о том, насколько различия во взглядах исследователей на события 1204 г. связаны с возможными сочувствием или неприязнью по отношению к какой-либо из сторон, воевавших тогда друг с другом. Хотя Т. Колиас и выражает отрицательное отношение к завоевателям, обозначая их как “агрессоров” (с. 135), большинство авторов сборника воздерживается от нравственных оценок изучаемых ими явлений. Именно таков, к примеру, подход М. Кумануди, подробно рассматривающей обстоятельства латинского господства на островах Эгейского моря. Если отдельные исследователи и ставят вопрос о некоторых положительных следствиях похода, то делают они это по отношению либо к экономике Балкан (С. Морриссон), либо к Иерусалимскому королевству (Б. Кедар). Примерно таков же и подход Х. Гаспариса, который никак не касается нравственной стороны завоевания крестоносцами Крита и высоко оценивает политику, проводившуюся там венецианскими властями. Почти все авторы сборника *Urbs capta*, далеки от того, чтобы делиться на партии в зависимости от своей готовности осуждать либо оправдывать действия той или иной стороны, воевавшей 800 лет тому назад.